

Онтологический подход С. Л. Рубинштейна в методологии изучения личности и субъекта

К. А. Абульханова

Онтологическая концепция бытия и специфики бытия и места Человека в Мире, разработанная С. Л. Рубинштейном в конце жизненного и творческого пути, сегодня является ключом как для ретроспективного анализа его творческого наследия (в том числе его этапов), так и для выявления перспектив его развития, открывающихся в новом ракурсе проблем.

Исходной в его творчестве была вершинная для философской антропологии категория субъекта, представленная отнюдь не в гегелевском понимании, поскольку в эту категорию Рубинштейн включил этическое, эстетическое и другие отношения, несомненно, навеянные идеями и проблемами марбургской школы. Но это позволит сразу «перевернуть» позицию и философское определение субъекта, наметив через такие отношения экзистенциальную «ткань» собственного бытия человека в контексте бытия в целом. Эту категорию, еще конспективно обозначенную в 1910–1920-х годах, можно назвать гипотезой, аккумулятивной все направления развития рубинштейновской философской системы, – и онтологию, и философскую антропологию, и психологию как систему философско-методологического, теоретического и эмпирического уровней познания психического, сознания, личности.

Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна исторически может быть представлена как система, интегрирующей сущностью (или основой) которой является онтология, то есть учение о бытии, Вселенной. Ее вектором служит философская антропология, то есть учение о бытии Человека. Он, в свою очередь, определен способностями – сознания, созерцания, деятельности и человечности (как этического отношения к другому человеку), развитие и реализация которых ведет к его развитию по восходящей, к совершенству как Субъекта.

Философская антропология, основанная на онтологической концепции бытия, преодолела ограниченность всех направлений материали-

лизма, которая заключалась не только в их метафизическом или механистическом характере, но в том, что бытие в качестве «разных форм движения материи» изучалось только парциально рядом точных наук, а развитие гносеологии, которая могла бы раскрыть его философские характеристики, всегда опережало развитие концепций самого бытия. Объяснить, чем же по существу является действительность бытия человека, фактически можно было только через познание, гносеологию, но она обращалась на объект, а не на самого субъекта. Бытие людей, обществ было непосредственной данностью. Социальные теории, хотя и начали возникать исторически довольно давно, не обобщались до философского уровня объяснения бытия человека во Вселенной. Они сосредоточивались на внутренних особенностях обществ, цивилизаций, – отношений людей, типа производств, культур и т. д.

Концепция Маркса не сумела поставить гносеологию «на свое место», постулируя первичность бытия только в качестве бытия общества, материального производства, не связав его с бытием так называемой материи, оставив ей лишь роль объекта производства, объекта наук и качество «существовать до и вне сознания» (Ленин, с. 274–275). Эту философскую дилемму Рубинштейн и охарактеризовал как «штучность», «лоскутность» диалектического материализма, не связавшего воедино «учение о природе», «учение о мышлении» и «учение об обществе» (Рубинштейн, 1973).

В некоторых оценках концепции С. Л. Рубинштейна отмечает, что он отпирался от гегелевской категории субъекта познания. Но именно эта категория была философским камнем преткновения для того, чтобы представить субъекта как объект познания и – более исходно – как субъекта бытия, в том числе обладающего способностью его познания. Субъект-объектная гносеологическая оппозиция была непреодолимым препятствием для онтологической трактовки субъекта. И только постепенно и в какой-то степени скрытно, то есть внутри психологии, Рубинштейн онтологизирует сначала деятельность человека, затем – его психику и сознание (что было совершенно невозможно в философии при «тоталитаризме» гносеологизации), преодолевая гносеологизацию ее предмета, а уже в итоге – онтологизирует субъекта как субъекта специфически человеческого способа существования.

Очень важно отметить, что рубинштейновский путь разработки его философской системы шел от ее философского абриса через постановку и решение методологических проблем психологии, которые представляли собой фактически этапы выполнения глобальной задачи создания онтологической системы и философской антропологии. Методологические принципы психологии были, таким образом, в отличие от их распространенной трактовки как превращенных, априорных философских положений в постулаты методологического абстрактного уровня, теми задачами, которые, будучи определены философской гипотезой, исследовательски – теоретически и эмпирически – решались

в психологии. Они, и это впервые хотелось бы подчеркнуть, имели дво-
якие «результаты» (следствия) как для самой психологии и решения
ее конкретных задач, так и для философии и решения ее глобальных
задач. Философская концепция С. Л. Рубинштейна еще и до сих пор
так трудна для понимания и в силу ее насыщенности, обоснованно-
сти практически всей системой знаний (в том числе и точных наук).
Сложна и потому, что, в отличие от философских утопий, она в своей
трагико-реалистической части не могла не выражать социальную ре-
альность бытия человека, связанную с определенной эпохой, не пре-
вратившись поэтому в один из вариантов абстрактных философских
антропологий (как некоторые из существующих). С. Л. Рубинштейн
в известном смысле создавал философскую антропологию своего вре-
мени, иначе она не имела бы социально-онтологического, а только со-
циально-утопического характер. Однако одновременно она была и пер-
спективно-оптимистической, – не только в силу характера ее автора,
а в силу самой сущности предлагаемого им философского объяснения
человека как существа не закрытого, не запертого в тюрьме своей опре-
деленности, не заданного, не завершенного, а противоречивого. Это
и стало основой определения человека как субъекта.

До сих пор историческая определенность развития человека рас-
крывается по матрице научно-объяснительных закономерностей этого
развития, особенно в собственно антропогенетическом, но и в истори-
ко-философском плане (в силу чего и возникали постоянные неудачи
в попытках объяснить этапы развития – эпохи, цивилизации – в ка-
тегориях непрерывного прогресса). Рубинштейновской философской
антропологии удалось объяснить категорию человека через совокуп-
ность его позиций в бытии как специфики его собственного бытия,
как бытия, включенного в Бытие Мира. Это объяснение позиции Чело-
века, взаимодействующего с Миром и как им же самим создаваемым,
и вместе с тем – как Миром, приобретающим уже свою, независимую
от него «логику» развития, онтологически приобретающим иные за-
кономерности, создающие противоречия, ограничивающие способы
взаимодействия с Человеком и противодействующие ему. Определе-
ние Человека в его способностях познания, деяния и созерцания дает
возможность снять противоречие в трактовке развития человека, при-
знав одновременно и его восходящий, и его социально ограниченный
характер. Особенность рубинштейновской философской системы,
в объяснительный контекст которой он встроил на определенном
этапе и систему психологической науки в ее новом философском по-
нимании, заключалась в том, что она, во-первых, не была системой за-
крытой, подобно гегелевской, разворачивающей в себе свои движения
и объяснения, но соотносенной практически со всеми философскими
системами истории и современного его эпохе философского знания,
во-первых, и, во-вторых, системой, которая в силу социальных усло-
вий (гегемонии марксизма-ленинизма), в которых она создавалась,

вынужденно облекалась в понятия и категории последних, едва ли
не приписывая им свою объяснительную силу, отдавая свое авторство.
Поэтому полемика с ними, а главное, и истинное аутентичное автор-
ское содержание оставались скрытыми или нарочито прикрывались
марксистско-ленинскими терминами. И потому можно сказать не так,
как мы говорим обычно: смерть прервала работу над последней, сде-
лавшей все тайное явным, рукописью «Человек и Мир», а иначе: Сер-
гей Леонидович Рубинштейн умер для того и потому, что жизнь этого
труда была бы невозможна при его жизни, он умер, чтобы дать жизнь
своей последней книге, своему детищу, своему «открытому письму»*.

Центральное место в мире – это не только позиция, а борьба за нее,
способ функционирования, деяния, развития во взаимодействии
с действительностью, ее преобразование в создаваемый человеком
Мир и осуществление в нем своей сущности. Преобразуя природу –
и в этом смысле достигая над ней господства – человечество оказы-
вается перед лицом противоречий, создаваемых им, способов своей
собственной социальной организации, результатом чего являются
рождения и гибели цивилизаций, то есть противоречие совершенст-
вования на одном полюсе и неминуемой деградации на другом. Оно
находится в историческом процессе борьбы за свое господство в бы-
тии, во Вселенной. Если феноменальными, онтологическими итога-
ми и способами выражения этой борьбы являются, с одной стороны,
сменяющиеся цивилизации и, с другой – непреходящие материальные
и идеальные ценности культуры, то реальными субъектами этой борь-
бы конкретного уровня и масштаба являются рождающиеся и уходящие
индивиды, личности. Выражая противоречия бытия человека, бытия
и самого человечества, они, согласно К. Марксу, или приносятся в жерт-
ву истории, или играют в ней роль, часто ее определяющую. Поэтому
именно на самом конкретном индивидуальном уровне бытия, в его
онтологической экзистенциальности человечество имеет постоянно
возрождающийся шанс развития.

Начав свой творческий путь с самой широкой, объемной в смысле
ее философского наполнения проблемы онтологии – бытия субъекта,
он переходит к анализу круга эпистемологических проблем, рассмат-
ривая их однако с целью поиска закономерностей познания и создания
закрытых систем знаний, подобных точным наукам, то есть в ключе
методологическом, почти науковедческом. Поэтому-то, придя в психо-

* И потребовалась еще одна – целая жизнь – автора этой статьи для того,
чтобы тоже – очень постепенно – по мере изменения социальной атмосферы
и развития философского мышления, долго еще идущего с ней в ногу, лега-
лизовать, в начале (1973 год – первое издание «Человека и мира») прикрыв
марксистскими одеждами, рубинштейновские запретные идеи, а потом
представить их (в меру собственного постижения) в их аутентичном со-
держании и (в меру осознания потребностей психологии) в их значении
для последней.

логию, Рубинштейн оказался сразу способен поставить две ключевых проблемы: 1) определения природы психического, сознания с онтологических позиций (онтологическим основанием этого определения явилась деятельность) и 2) построения системы психологии как науки, как совокупности знаний о психическом как своем предмете и объекте. До сих пор не отрефлектировано методологически, что связь этих проблем заключалась в том, что внутренне строго логически построенная система психологии как науки, представленная в «Основах...» 1935 года и «Основах общей психологии» 1940 года, оказалась открытой (в отличие от точных наук) в силу того, что само психологическое познание имело в своей основе деятельность познающего, а последняя, в свою очередь, вызывала деятельность познаваемого, т. е. вносила изменения и развивала исследуемый объект. Иными словами психическое как объект, не имея закономерно завершеного в себе характера, соответственно, имело в силу своей открытости в деятельность природу постоянно развивающегося объекта, что предполагало необходимость непрерывного развития и процесса познания, и знания о предмете психологии.

Таким образом, принцип развития охватывал своими объяснительными возможностями и сущность самого изучаемого объекта (развитие психики и сознания в деятельности), и, соответственно, развитие предмета психологии, деятельность, развивающую познаваемого субъекта и субъекта психологического познания. Как методологический он пронизывал и уровень теории, и сущность метода – познание в развивающей психике деятельности, и специфику психики, включенной в деятельность познаваемого субъекта, и специфику исследовательской деятельности познающего.

Не стоит добавлять, что такое понимание принципа развития радикально отличалось от традиционного стадийного, при котором одна стадия следовала за другой (это отмечал С. Л. Рубинштейн в «Основах...», критикуя концепцию развития Келера). Онтологизм реализуемого Рубинштейном подхода состоял в представлении о деятельности как онтологически реальном акте, преобразующем и онтологию объекта (предмета), и актуализирующем, то есть приводящем в деятельностно-онтологически-активное состояние психическую способность субъекта (его память, восприятие, мышление). Этот онтологизм и составил основание объективности метода психологии и самого психологического познания. Не повторяя многократно оцененной конструктивной исследовательской роли принципа единства сознания и деятельности, стоит отметить, что, сохранив деятельностный подход как осевой стержень построения психологической науки, Рубинштейн пошел в «Основах общей психологии» в определении ее предмета далее путем раскрытия онтологической природы самого психического. Как известно, он определял его как единство отражения и переживания, знания и отношения. Это единство фактически

воплощало единство когнитивной, познавательной и экзистенциальной способностей, последней – как способности субъекта к переживанию. Не стоит проводить философских аналогий с единством Ума и Чувства, соединенных Волей – со знаменитой философской триадой, где естественно Ум и Чувство, столь онтологически различные, могут быть связаны только Волей – для Рубинштейна деятельностью, за которой стоял пока анонимный субъект.

Не только переживание придает отражению своеобразный субъективный характер, субъект – личность, выводимая Рубинштейном на «сцену» психологии – внутренне воспроизводит (восприятием, мышлением, памятью, сознанием) эту действительность, для себя, по-своему. Понятие отражения, принятое в официальной философии, изначально предполагало «удвоенность» отражаемого и отраженного. Используя сам термин «отражение», Рубинштейн решил в своем скромно, через запятую данным определении, сложнейшую задачу: отражение, как и познание, которое все чаще определялось через отражение, предполагает противоположность – раздвоение на субъект и объект. Тогда как переживание есть не что иное как чувственное, экзистенциальное установление их связи, непосредственность, которой первоначально наделено ощущение и восприятие, как пишет Рубинштейн, их «встреча». Без этой связи невозможно было бы ни отнесение «отраженного» к отражаемому, ни переживание своей причастности к объекту, ни переживание личностью того, что само отражение осуществлено ею. В гносеологии акт познания исходит из внеположности объекта познающему субъекту и возвращается к этой внеположности в известных формулах «познания объективного мира» или «окружающей действительности». На причастность мира познающему указывает лишь эпитет «окружающая». Между тем отражение, включающее переживание, отношение, это уже способность субъекта и объективировать свое отражение, и вместе с тем обладать им, «распорядиться» в относительной независимости от присутствия в данный момент отражаемого объекта.

Далее, эта способность развивается в формах мышления, сознания, которые дистанцируются, обобщая и ощущения, и восприятия, и позволяют субъекту и самоопределиваться по отношению к миру, и руководствоваться своим знанием в этом самоопределении.

Мы в свое время, развивая идеи С. Л. Рубинштейна о природе психического, поставили проблему так: в чем его необходимость, какую «задачу» оно решает, – и тем самым спустились с глобального уровня субъект-объектного отношения на уровень жизни личности (Абульханова, 1973). Это было развитие проблемы онтологизации психического, уже не через его непосредственно онтологическое определение, а через его объективную роль в онтологии-экзистенции самой жизни.

Следующий шаг, вытекающий из новой формулировки Рубинштейном принципа детерминизма – введение понятия внутреннего, – на пер-

вый взгляд, опять-таки разделявший внутреннее и внешнее (подобно разделению субъекта и объекта), был по существу еще более сильным аргументом онтологизации психического, особенно подкрепленным для простых умов сравнением с взаимодействием двух физических («материальных») тел, каждое из которых имеет свое внутренне как закономерно специфическое. Понятия «преломление», «опосредование», наконец, «избирательность» внутреннего по отношению к внешнему подчеркивали (в отличие от его производности от внешнего в терминах отражения) не только паритетность разного рода онтологических реальностей – «внутреннего» и «внешнего», но и приоритетность внутреннего. Тем самым в 1957 году в «Бытии и сознании» Рубинштейн оказался на пороге доказательства бытия субъекта.

Параллельным путем, которым он шел к этому открытию, – в смысле введения категории субъекта в психологию (поскольку в философской концепции Рубинштейна он уже занимал свое центральное место с самого начала) – был путь постепенной «реабилитации» личности, начатый еще в «Основах общей психологии (1940), – личности, «изъятый из обращения» в официальной психологии и разгромом педологии, и социальной реальностью, и рядом других причин. Первоначальный вариант личностного принципа был направлен против функциональной психологии, раздробившей психическое на отдельные функции. Этим принципом подчеркивалась их принадлежность личности, их единому основанию. Следующим ходом Рубинштейн показывает, что связь сознания и деятельности, имевших свою специфику, осуществляется личностью. В отличие от формулы 1920-х годов, изложенной в «Принципе творческой самодеятельности» (1922), согласно которой сознание и проявляется, и развивается в деятельности, в формуле единства сознания и деятельности 1930-х годов личность выступает на первый план. Личность осуществляет творческую деятельность (как ранее определял С. Л. Рубинштейн, самодеятельность) и тогда выступает как ее автор, инициатор, а может выполнять и необходимую деятельность (труд), и тогда выступает в роли исполнителя. Она может иметь своей целью само осуществление деятельности (занятия), а может посредством деятельности не изменять объект (как принято считать в философии), а изменять нечто в обществе или в своей жизни, то есть быть или целью, или средством (разумеется, сохраняется и традиционное первоначальное понимание деятельности, имеющей целью получение результата). В зависимости от характера деятельности ее регулирует та или иная мера активности сознания, а сам процесс регуляции также носит творческий или подконтрольный характер. Зависимость от сознания проявляется в том, на каком его уровне осуществляется регуляция деятельности: сознания, неосознанного или сознательного.

Личность по-разному связывает сознание и деятельность в зависимости от того, какое место и роль отводит ей в своей жизни. А это осуществляется посредством ее сознания, охватывающего масштаб

всей жизни: все ее цели, смыслы, ценности и т. д. Не повторяя всех сложнейших диалектических зависимостей триады «личность – сознание – деятельность», мы хотели бы только еще раз напомнить собственно личностное понятие «поступка», введенное Рубинштейном в «Основах...», объективно как волеизъявление личности изменяющее в ее жизни «расстановку сил» (по его выражению), и резюмировать, что в нем выражается не столько принцип личности, сколько ее принципиальность. Поступок реализует ценности сознания личности. В «Основах» же личность выступает не как «вещь в себе», которой она представляется при ее сведении к структуре (большинством психологов в известной дискуссии конца 1960-х годов), а как определяющая, изменяющая, преобразующая свою жизнь, жизненный путь.

Не приписывая своего понимания Рубинштейну, хочется объяснить (предположить), почему от собственно методологического рассмотрения проблемы личности он переходит к собственно теоретико-психологическому, сосредоточиваясь и в «Бытии и сознании», и в «Принципах и путях развития психологии» на анализе ее способностей. Мы думаем, что механизм обобщения, который он сделал центральным звеном своего анализа и объяснения сущности способностей, во-первых, позволили ему абстрагироваться от традиционно принятой узкой связи способностей с деятельностью (способности физические, музыкальные и т. д.) и этим ходом экстраполировать механизм обобщения на жизнь человека, понять способность как способность к жизненным обобщениям (что уже непосредственно доказывается разделом «Человека и мира», в котором рассматриваются обобщающие жизнь мировоззренческие чувства). Способность, по Рубинштейну, это особое качество личности, дающее ей огромные возможности. Не этим ли конкретно-психологическим пониманием он хотел построить основу для определения в высшей степени развитой (способной) личности как основу качества субъекта? И хотя механизм обобщений он совсем конкретно анализирует, рассматривая музыкальные способности Глинки и Римского-Корсакова (Рубинштейн, 1957), обнаруживая при этом глубочайшее проникновение в тайны творчества*, этот ход можно считать методологическим, поскольку им открывается подход к субъекту. В отличие от научных обобщений, субъект обобщает существенные для него отношения.

Однако, не построив математически строго соотношения категорий «человек», «субъект», «личность», С. Л. Рубинштейн оставил нам задачу и одновременно свободу понимания их соотношения и смысла в философском и собственно методолого-психологическом контекстах.

* С. Л. Рубинштейн не только любил музыку. Будучи близко знаком с С. Нейгаузом, он совместно с ним разработал проект чрезвычайно интересного психолого-искусствоведческого исследования, которое осуществляла под их руководством ученица консерватории.

Опираясь на его определение человека не только как существующего (подобно экзистенциалистскому), но как осуществляющего свою сущность во времени – пространстве жизни, деятельности и человеческих отношений, мы ставим на его основе задачи определения принципов личности и субъекта, а также определения личности в качестве субъекта жизни.

Подобно тому как в существующих философских антропологиях определения человека носили абстрактно-односторонний характер, определение личности в отечественной психологии всегда начиналось с априорной абстракции, «наполнителями» содержания которой являлись столь же абстрактно положенные социальное или биологическое (с постановкой акцентов на одно или другое, в зависимости от мнения автора). От этой абстракции отправлялись конкретизирующие определения ее структуры, представляющие собой, как правило, синкрет внутренне не связанных составляющих. Именно поэтому разработка проблем личности, исключая В. Н. Мясищева, С. Л. Рубинштейна и Д. Н. Узнадзе, касалась лишь развития (и функционирования) личности ребенка, но не взрослой личности.

Именно поэтому одним из методологически ключевых для психологии разделов становится у Рубинштейна понятие жизни, без специального уточнения, идет ли речь о психологическом понимании личности в жизненном пути (о чем он писал еще в тридцатые–сороковые годы) или, скорее, о жизни человека в контексте философии жизни. В «Человеке и Мире» он решал главную проблему – на следующем уровне конкретизации (по отношению к категориям Человек и Мир), раскрыть сущность человека (личности) через специфику его бытия как жизни, а жизнь – через способ бытия человека. И хотя сегодня проблематика жизненного пути, казалось бы, в психологии уже разработана в виде разнообразных концепций жизненных стилей, типов жизни, жизненных отношений и т. д. (В. Н. Дружинин, Е. Ю. Коржова, Е. В. Старовойтенко), все же даже при наличии конкретных определений и связанных с ними типов личностей (потребителя, создателя, прожигателя и т. д.) методологическое содержание онтологического способа связи личности с жизнью остается в значительной мере скрытым.

Ш. Бюлер стремилась определить жизнь в некоторых объективных квантах – событий, условий, обстоятельств, но при всей их фактической объективности они не вскрывают существа процесса осуществления личностью жизни.

Не пересказывая не поддающихся пересказу рубинштейновских текстов, мы пытаемся выразить их очевидное сегодня (и из его давних и из последней его работы) содержание, заключающееся в том, что жизнь есть инобытие личности. (Ранее, определяя личность как субъекта жизненного пути, мы говорили об ином качестве, которое она приобретает в жизни.) Сегодня точнее было бы говорить не о личности как таковой (хотя она существует в такой статической определен-

ности, именуемой в психологии «психическим складом», и становится предметом констатирующих измерений) и об обретении ей нового качества в жизненной объективации, а о личности как осуществляющей себя в процессе и формах жизни. Онтология личности – это не только ее характер, ум, воля и т. д., а сам способ и процесс выражения, осуществления характера, жизненный способ мышления, мера разумности, осмысленности, целенаправленности жизни как воплощение этого способа, жизненные волеизъявления, достижения. Не отрицаем ли мы тем самым ставшего аксиомой положения Рубинштейна, которое он сформулировал применительно к анализу деятельности, об обратном воздействии на личность (и ее развитие) самореализации в деятельности как ее результате? Он писал еще в «Основах общей психологии» о том, что смелый поступок и несмелую личность превращает в смелую. Не отрицаем ли мы тем самым и общепринятого деления форм (сфер) жизни на деятельность, общение и познание?

Отвечая на первый вопрос, можно сказать, что обратное воздействие на личность ее самореализации зависит прежде всего от личностно-жизненного же характера этого воздействия: оно может вообще не затронуть ни ценностей, ни самолюбия, не повлиять на дальнейшую поступательную активность личности или, напротив, привести к стрессу, потрясению и т. д. И это зависит и от исходных мотивов и ожиданий личности, и от характера ее «деяния», и от того, как она оценит для себя его последствия. «Обратное» воздействие может сказаться много лет спустя и в самых разных «категориях» – признания личностью своей ошибки, вины или победы, а иногда – разочарований в человеке, которому был адресован поступок или к которому высказано отношение. Обратное воздействие может заставить задуматься или совершить радикальный шаг, но отнюдь не всегда приведет к изменению или развитию личности в целом.

Отвечая на второе возражение, можно сказать, что уже стародавний спор между психологами о последовательности и соотношении в жизни и развитии личности ребенка форм (или сфер) деятельности – познания, игры, общения – показал необходимость их конкретизации, выявления более глубоких и сложных связей между ними. Столь же неадекватна для анализа проблемы жизни личности социологическая и традиционно онтогенетическая категоризация, необходимая и приемлемая в исследовании других проблем. Рубинштейн во-первых, рассматривает саму личность не структурно-субстанционально, а проективно-функционально, в пропорциональном ей времени и пространстве. Во-вторых, он определяет личность как многоуровневую систему. На высшем уровне находятся те ее качества, которые можно назвать жизненными способностями (Абульханова, 2009), высшие ценностные образования, механизмы, развивающиеся, выработанные в ходе самой жизни: активность, сознание, способность к организации времени жизни.

Для раскрытия жизненного самоосуществления личности исходно важны эти три модальности как предельные абстракции: активность/пассивность, сознательность/несознательность/бессознательность и изменение/сохранение (стабильность), то есть развитие во времени жизни. Их тоже достаточно абстрактные связи очевидны: созидательная активность приводит к целенаправленной, осмысленной жизни, придает ей и самой личности творческий характер, а пассивность, неосознанность, стихийность – консервативный (или, напротив, случайно-изменчивый), и т. д. Однако в конкретике жизни побудителем активности может быть и сознание, и неосознанные и даже бессознательные мотивы, носящие ценностно-смысловой или предметно-потребительский, эгоистический, эгоцентрический или альтруистический характер, то есть связи между тремя даже столь абстрактными и немногочисленными модальностями могут быть самыми многообразными.

Главное же в раскрытии сущности этих модальностей как способов жизни личности заключается в том, чтобы определить «отправные точки» их актуализации. А именно: жизнь ли складывается так, что вызывает потребность ее осознания, «работы» сознания, и привлекает активность последнего к ее осмыслению (и личность «открывает глаза» на свои проблемы), или же сознание, априорно опережая ее ход, развертывание деяний, придает ей определенные (а иногда и разнообразные) направления?

Э. Эрикссон достаточно убедительно доказал движущую силу личности в самоактуализации, но, к сожалению, рассмотрев последнюю только в эпигенетическом ключе, не выявил ее формы и дилеммы в генезисе ее экзистенциальности, в способе жизни. Мы бы предположили, что актуализация не связана ни с «само-» как отправной точкой активности, сознания, развития, ни с некоей объективностью жизненных «обстоятельств», «ситуаций», «условий», побуждающих к актуализации активности, сознания и развития. Именно «встреча» (как выразился С.Л. Рубинштейн) этих «детерминант» (назовем их пока так) определяет их взаимную нейтральность, приводя к нулевому эффекту, или взаимную амбивалентность, превращающуюся в противоречие или в обоюдную актуализацию (или приоритетную актуализацию той или иной «детерминанты»).

На первый взгляд, это противоречит известной формуле Рубинштейна о внешних и внутренних условиях, однако по существу избирательность внутреннего превращает в нечто значимое или незначимое то или иное внешнее, а внешнее, воздействуя на личность, может быть ею аннулировано внутренним или актуализировано им. А если происходит истинная «встреча» внешнего и внутреннего, то она умножает, усиливает потенциальные силы и того, и другого.

Это и есть совершенно специфическая личностно-жизненная онтология, специфика которой делает жизнь «более» жизнью (по выражению Льва Толстого) или менее жизнью, личность личностью в боль-

шей или меньшей степени («ставшей» или не ставшей, «выделавшейся» или нет, самоопределившейся или же нет).

Однако соотношение внешнего и внутреннего и сами эти понятия, адекватные для раскрытия диалектической онтологии психического, слишком глобальны для выявления более глубоких различий в способах жизни личностей, – в том, как она создает свои способы самореализации, обеспечивающие большую (или меньшую) степень неприкосновенности, суверенности, духовности и возможности творчества в деятельности. Затем возникает проблема определения критериев ее становления субъектом, а затем – задача исследования ее жизни в качестве субъекта. Исходными бытийными онтологическими позициями личности, объясняющими способы ее самореализации, являются ее генетическая и две различных функциональных позиции. Что же это за позиции? Первая нами выделена с опорой на концепцию К. Юнга, который выявил происхождение личности из общества, человечества как звена в преемственности его поколений. Качество личности, связанное с этой позицией, не только биологическое, природное, наследственное: она аккумулирует все те общечеловеческие отношения, которые складывались веками и проявляются в индивидуальном «зерне», из которого начинается, прорастает индивидуализация, по Юнгу. (У Юнга они представлены архетипами, выражающими онтологическую преемственность личности относительно человечества, и могут быть интерпретированы как позиция «внутри» него.) Две другие – уже не собственно генетические, а индивидуально-онтогенетические и социогенетические позиции. Последнюю личность занимает относительно конкретного социума, в котором она родилась и живет. Эти позиции изначально противоречивы: одна представляет включенность личности в социум, другая – обособление от него как индивидуальности.

Ранее мы выделяли, опираясь на идею З. Фрейда, противоречие личности и общества как их «противостояние». Но это слишком глобально. Если рассмотреть более конкретно – это противоречие между двумя последними позициями личности – внутри социума и вне его. Личность – дитя общества – с рождения включена в определенный социум, в его отношения, подчинена его закономерностям, то есть находится внутри него. Одновременно в своем становлении личностью, индивидуальностью она обособляется от него. Разрешить это логическое противоречие, состоящее в том, что личность (согласно Фрейду) противостоит обществу и в то же время (по Марксу) включена в него, можно только признав, что она действительно одновременно и включается, и обособляется от социума (как индивидуальность), что приводит к множеству более конкретных противоречий между ее потребностями, способностями и требованиями общества, обращенными к ней или ко всем личностям (нормы) – и его социальными отношениями.

Две позиции личности – «обособления» и «включения» в социум (или принадлежности ему) – образуют огромное число противоречий.

Различие этих противоречий определяется тем, с одной стороны, попадает ли она в оптимальную для ее развития «нишу» (не говоря об изначально оптимальной/неблагополучной семье), или совпадает ли ее жизнь (активный период) с позитивным для развития общественным периодом. С другой, проявляет ли личность еще в детстве общую креативность, активность, способности, и, далее, попадает ли она в соответствующие последним образовательные, профессиональные учреждения (или с детства намечаются трудности развития, характера, воли). Одно, однако, очевидно: личностями в подлинном смысле слова могут становиться люди, выросшие или оказавшиеся в тяжелых условиях жизни, и наоборот: в благоприятных условиях вырастают негодяи, или люди слабовольные, или блокирующие свою самореализацию и в целом жизненную судьбу завышенной самооценкой и притязаниями. Следовательно, искать оптимальные соотношения, исходя из отдельно взятых детерминант, бесполезно.

Поэтому-то оптимальность жизни и развития, становления личности зависит от того, как она решает эти противоречия, что укрепляется (ломается, созируется) в ней этими решениями и в каком направлении она изменяет ими качество своей жизни. В целом, если она включается в эти системы, теряя свою индивидуальность, то не решает противоречия своей «обособленности» и «включенности». Если она разрешает это противоречие, то согласует свою обособленность (верность себе, своим целям, принципам и т.д.) с делом, предполагающим участие в социуме. Главным результатом этих решений становится изменение личности и уровня ее жизни.

Итак, критерием субъекта является мера разрешения этих противоречий. Чтобы уточнить меру, мы пытались рассмотреть социальные детерминанты более дифференцированно: действуют ли они на сознание, или через сознание на личность, или через ее бытие, практический процесс ее жизни; являются ли они возможностями или ограничениями. И главное, выделяя противоречие между личностью и социумом, мы конкретизировали «встречные», идущие от личности способы нейтрализации, противостояния, преобразования или «ухода», способы решения и, главное, создания ею новых ценностных детерминант, жизненных достижений. Таким образом, процесс «вписывания» личности в социум носит характер противоречивого взаимодействия и столкновения индивидуального и социального. Это тот контекст, по отношению к которому личность может становиться субъектом. Онтологической реальностью ее становления субъектом является жизненный путь как реальность другого уровня. Если С. Л. Рубинштейн определил онтологическую сущность человека через его отношения с Миром и центральное место в нем, то, по-видимому, личность тоже должна быть определена через совокупность, но других отношений, другого, более конкретного, уровня и масштаба.

Рубинштейн определял место психического в мире через его включение в разные связи и отношения с разными системами, в каждой из которых оно обнаруживает разные качества (идеального, субъективного, природного, социального и т.д.). Мы бы сегодня переформулировали этот принцип применительно к личности как задачу исследования того, как она включается в связи с онтологически разными системами, поскольку оно может выявить разные направления появления разных качеств, которые личность реализует и развивает.

Нашей задачей является выявление того, как личность изменяется, как развивает свои изначальные качества в процессах объективизации в разных системах.

Для определения основной функции и сущности личности в качестве субъекта жизни мы предполагаем, что после ее включения (интеракции, взаимодействия) в разные системы и решения противоречий между ними, она затем осуществляет противоположную обратную «процедуру». По-видимому, она интегрирует те новые качества, которые обнаружились при ее включении в отдельные системы и, главное, способы решения противоречий между ними, в новое единое целое. Личность интегрирует в новое целое эти новые качества, новые достижения и решения противоречий разных систем и разных позиций, в которых она онтологически реализуется (как общественная по происхождению, социальная по способу функционирования, объективизации и индивидуальная по способу самореализации). Соединяя свои позиции, интегрируя их, она разрешает противоречия между множеством систем. Если она осуществляет эту интеграцию оптимально, то становится субъектом.

Принцип субъекта позволяет понять, что личность в своей жизни интегрирует разные позиции, в силу чего необходимо обращение к межсистемным связям для выделения и изучения внутрисистемных.

Интеграция своих позиций и составляет проблемность жизни, – проблемы, решать которые, чтобы идти дальше, личность должна сама, то есть в качестве субъекта. За эти решения личность в качестве субъекта берет на себя ответственность.

В концепции личности как субъекта жизненного пути краеугольным является критерий интегральности. Для коллективного субъекта интегральность связывается с высшим уровнем его организации. В отечественной психологии этот критерий толкуется разнообразно: или как характеристика личности (С. Л. Рубинштейн и др.), или как особая «интегральная» индивидуальность», где под интегральностью подразумевалась либо целостность ее внутренней организации, «структуры», либо межуровневые связи этой же организации, включая природные, то есть не личностные (В. С. Мерлин). Процессуальные характеристики и способы обеспечения интеграции были впервые открыты О. А. Конопкиным (и его исследовательским коллективом) как механизм саморегуляции деятельности.

Механизм интеграции – это прежде всего функциональный механизм, а не интегральная структура. Личность сама начинает находить новый способ функционирования, определять его пространственно-временные масштабы и задачи.

Когда личность приобретает новое качество целого, это приводит к расширению пределов, закономерностей функционирования ее психических образующих и природных детерминант. Личность становится способной использовать их закономерности более оптимально, рационально, ограничивая стихийность их действия.

Интегрируются не только составляющие внутренней организации (психической, психофизиологической или самой личности), но ее межсистемные связи, которые обеспечивает личность (и не только в деятельности), взаимодействуя с другими системами. Таким образом, можно определить субъекта через его способность осуществить своего рода «обратное действие» – соединить в новое целое, то есть интегрировать все те отношения, которые строила личность, поскольку они являются интеграциями с другими системами и в них приобретают новое качество, и найти новый способ функционирования жизни. Эту задачу и решает личность в качестве субъекта.

Способность личности как субъекта интегрировать основные позиции и системы отношений в них проявляется в ее организации своего жизненного пути. Придать ему качество целого, вопреки изменениям всех составляющих во времени, преодолевая стихийность, ситуативность, разнообразную сложную детерминацию этого процесса, может только личность, способная к выработке обобщенных способов жизни, новообразований, таких как жизненная позиция (она и воплощает интеграцию личностью ее разных интерактивных жизненных систем)*, жизненная линия, перспектива и смысл жизни. К числу этих

---

* *Жизненная позиция личности воплощает в себе, например, выработанный в ходе жизни способ самореализации на основе способностей сотрудничества с людьми, содействия их интересам, готовности к компромиссам, умения решать сложные проблемы человеческих взаимоотношений, толерантности к негативному, к конфликтам, умения поставить перед большими и малыми сообществами объединяющие, перспективные задачи, умения использовать свой авторитет, охватить своей ответственностью большое перспективное дело, умения использовать прошлый как позитивный, так и негативный опыт.*

Другая жизненная позиция, напротив, интегрирует «камерное» жизненное пространство – семья, участок работы – без построения далеких перспектив, способность угадывать и уходить от риска, конфликтов, избегать инициатив и ответственности, способность взвешивать причины и последствия своих поступков, самоконтроль, которые осознаются как нереализованные притязания, способности на большее.

Жизненная позиция может проявляться также и, наоборот, в стремлении к расширению во времени и пространстве, к смене занятий, семей, мест жительства, к разнообразию жизни и способов самореализации

новообразований можно отнести и введенные С. Л. Рубинштейном обобщения, осуществляемые мировоззренческими чувствами. Они являются «единицами» жизненного пути не по определению, а вырабатываются, удерживаются и реализуются активностью личности как субъекта. В жизненной позиции в обобщенном виде представлен способ и принцип решения жизненных противоречий между детерминантами разного уровня и степенью их жесткости и телеологическими интенциональными тенденциями личности. Сама позиция реализуется пролонгированно, то есть во времени жизни, жизненной линией, и осуществляется жизненной стратегией. Это интегральные новообразования самого высокого уровня обобщенности. Проблемность жизни – в том, как реализовать обобщенные способы, принципы жизни, в которых уже заключены способы решений конкретных противоречий в условиях опять им противоречащих; как проводить свою жизненную линию, когда изменяются и обстоятельства, и сама личность. Степень и характер решения этой глобальной жизненной проблемы придают жизни смысл (или лишают его).

Жизнь – это способ осуществления своего «Я» как субъекта, индивидуальности, своей открытой и реализованной в жизни сущности, посредством связи этим «Я» тех и других новообразований, жизненных достижений. Данный способ вырабатывается личностью, меняется, совершенствуется на протяжении всего жизненного пути. Это способность личности интегрировать сферы жизни, жизненные отношения, позиции, этапы соответственно определяемому ей и открывающемуся снова смыслу жизни. Интеграция внутреннего мира при возникающих в нем противоречиях (надеждах, ожиданиях, сомнениях), поддержание своей идентичности, утверждение индивидуальности осуществляется сознанием, жизненными чувствами, волей, ответственностью личности как ее жизненными способностями.

Определяя сознание как жизненную способность субъекта, мы подчеркиваем в нем его ценностные обобщения, – обобщения существенного для личности как индивидуальности, для ее человечности, духовности и смысла жизни. Мы выявляем его интерактивные, ценностные, проективные, регулятивные качества как не ситуативные, а обобщенные. Эти обобщения составляют, например, критерии рефлексии, то есть отношения личности к жизни, оценивающие достигнутое, содеянное и «упущенное» (по словам С. Л. Рубинштейна), оценивающие саму личность как субъекта.

Способность сознания к решению противоречий, составляющих онтологию жизни, проявляется в способности решать ее проблемы:

при самооценке себя как всесторонне одаренного человека и т. д. Примеры авторитарных, пассивных, трагических жизненных позиций можно в изобилии найти в биографической и особенно автобиографической литературе. (О жизненных позициях см. также статью Е. Ю. Коржовой в данной книге).

одним из важнейших механизмов таких решений является введение различных новых условий, изменяющих остроту проблемы, расширяющих ее контекст, ее переформулирование с позиций причин, последствий, завязанных на нее субъектов, отношений к ней и т. д. Ответственность за решение проблем усиливает их остроту, концентрированность и вместе с тем содействует интеграции всех усилий, средств, резервов.

Не менее конструктивна для разрешающих возможностей сознания способность личности к интеграции жизненных позиций и отношений. Она повышает концентрированность сознания и способность мышления видеть проблемы с разных сторон, из разных позиций.

Определение психического как идеального (ср. «идеальные объекты») распространяется на способность сознания к маневренным операциям, подстановкам одних значений на место других, на понимание многозначности.

К числу способностей сознания как социального мышления (Абульханова, 2009) относится интерпретация и ее многочисленные варианты (открытие за поверхностным внутренним, скрытым смыслом, содержания, комбинация не связанных в реальности идеальных объектов, реальных качеств, обстоятельств и т. д. в новые системы, обнаруживающие новые смыслы, подстановка на место переменных разных значений и т. д.). Из этого краткого абриса онтологии сознания очевидно, что все остальные жизненные способности, качества субъекта находятся не только в связи, но и в отношениях содействия друг другу, что усиливает продуктивность каждого и конструктивность целого.

Не останавливаясь на всех остальных рассмотренных выше качествах субъекта жизни, которые требуют специального исследования (подобно тем, которые мы провели в отношении сознания и ответственности), можно только резюмировать, что, становясь субъектом, личность выходит на другой уровень жизни, что и дает ей возможность, как мы видим это на примере биографий известных людей, не только совершать неизмеримо больше, чем другие, не только дать другим намного больше доброты, тепла, поддержать их в жизненных трудностях, но и прожить свою жизнь в согласии со своей совестью, ценностями, вкладываемым в нее смыслом, реализовать все лучшее в себе, то есть прожить подлинную жизнь, достичь этой подлинности, реализовать оптимальную стратегию жизни.

Из всего сказанного следует, что принцип субъекта обладает методологической операциональностью.

1. Во-первых, он, как отмечалось, противостоит бессубъектному подходу, отрицающему роль человека в организации и осуществлении деятельности, в собственной жизни, в социальных структурах и изменениях.
2. Принцип субъекта имеет несколько науковедческих функций. Одна из них, собственно науковедческая, по-видимому, состоит

в открывающейся на его основе возможности по-новому строить системы понятий и категорий, сочетая детерминационные, уровневые и телеологические координаты, выявлять эксплицитные и имплицитные, проективные и символические параметры субъекта, учитывать противоречивость, взаимоисключаемость, ортогональность, множественность детерминант, принципы относительности и неопределенности.

3. Функцией этого принципа является онтологическая ориентация не на понятия, а на качества (или их совокупность), которая позволяет говорить о субъекте или субъектности. Он дает возможность выявлять не только внутрисистемные характеристики и связи качеств субъекта, но и те функциональные задачи, которые имеют межсистемный характер, и даже его способность к интеграции систем.
4. Принцип субъекта раскрывает наличие имманентного противоречия между личностью и обществом (и особенно социумом), противоречивость соотношения индивидуализации (обособления, самоопределения) и социализации (соотношения с социумом) и высшую жизненную способность сознания оптимально разрешать это противоречие.
5. Философско-методологический принцип субъекта открывает возможность исследования, как происходит создание личностью новых онтологических реальностей и в практической, и в духовной сферах, выявлять те новообразования – достижения в жизни личности, которые она создает путем интеграции и обобщения своих основных позиций и связанных с ними отношений.
6. Принцип субъекта выявляет способность человека, личности, к оптимизации (и деятельности, и человеческих взаимоотношений, и отношений человека с природой), к гармонизации всех сфер и уровней бытия человека и к развитию и совершенствованию самой личности.

Мы полагаем, что самой большой сложностью выявления качеств субъекта и определения соответствующих критериев является следующая: в жизненном пути личность приобретает новые способности жить и новые качества при таком сочетании внешних и внутренних условий, которые создаются самим субъектом. Речь идет о становлении, развитии, в процессе которого и возникают эти качества, но их возникновение и развитие носит детерминируемый субъектом характер.

Краткий анализ способностей личности в качестве субъекта жизни позволяет понять, что жизнь может осуществляться на более высоком, более ценностно принципиальном, более духовном, обобщенном уровне. Именно такой и была жизнь самого Сергея Леонидовича, писавшего, что он живет уже и не в Москве, и не в Дубултах, в во Вселенной, которая оведала его своим дыханием, давала ему сверх данных

ему природой и здоровьем жизненные силы, позволяла чувствовать себя свободным как от тисков действительности, так и от собственных житейских проблем, позволяла ему быть великодушным и к слабым, и к злым, позволяла думать и писать о нелегких путях достижения каждым если не блага и счастья, то подлинности жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
Абульханова К. А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1.
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1968.
Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Ученые записки Высшей школы г. Одессы. 1922б. Т. 2. С. 148–154.
Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.
Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.
Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВОСПРИЯТИЯ

В. А. Барабанщиков

В данной работе сделана попытка эксплицировать принципы онтологического подхода к исследованию восприятия человека. Она состоит из двух частей. В первой излагается логика развития представлений С. Л. Рубинштейна о процессе чувственного восприятия, во второй – психологическая концепция восприятия, выстраиваемая автором на основе ряда ключевых положений онтологического подхода. В центре внимания находится понятие «событие», которое выражает укорененность психических явлений в процессах бытия. Своеобразие онтологического подхода заключается в том, что восприятие рассматривается не просто как образ действительности в его отношении к самой действительности (гносеологический подход), а как порождение образа, протекающее в единстве внешних и внутренних условий его существования. Восприятие оказывается формой и проявления, и порождения бытия.

Проблема восприятия в научном творчестве С. Л. Рубинштейна

Философско-психологическую концепцию С. Л. Рубинштейна редко связывают с проблемой восприятия, обращая внимание на решение им проблем деятельности, личности и мышления. Между тем, анализ природы и сущности восприятия как психического явления присутствует в его работах на протяжении всего творческого пути.

Интерес Сергея Леонидовича к организации перцептивного процесса проявился уже в его первых психологических работах, опубликованных в 1922 году. Это некролог, посвященный Н. Н. Ланге (Рубинштейн, 1922а), и известная статья «Принцип творческой самодеятельности» (Рубинштейн, 1922б). В обеих работах он обращает внимание на огра-